

Булгакова О. А.

**ПОЛИСЕМΙΑ СУЩЕСТВИЛЬНЫХ, МОТИВИРОВАННЫХ ИМЕНАМИ ТГ "ОВОЩИ" КАК
ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КЕМЕРОВСКИХ ГОВОРОВ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 24-26. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Основным морфологическим признаком конечной экстрапозиции является употребление в большинстве случаев именительного падежа существительных. Это свидетельствует о типизации этих структур. Экстрапозиция отличается по своим признакам от согласованного приложения и обособленного несогласованного номинатива.

В этих структурах нет подчинения, она выступает, как синтаксический сегмент сложного, единого, структурного комплекса, в котором возникают лексико-семантические связи.

Встречаются повторы, которые могут быть расположены дистантно или контактно: *In dem jämmerlich nicht mehr pulsierenden Schiff war jetzt eine tiefe Stille vertrieben, eine Stille, darin das bange Leben der Bewohner nur bemerkbar ward* (Atlantis). Повтор одного из членов основного высказывания происходит с целью выделения, развертывания его содержания, как способа выражения новой информации. Интересной разновидностью этого типа являются члены предложения, которые при экстрапозиции входят в состав сложного существительного: *...ein Glas fetter Milch, die Abendmilch, die...* (Mann 1955).

Предложения с конечной экстрапозицией образуют сложные логические структуры, которые можно разложить на отдельные предложения, вычленив элементарные структуры: *An seinen Knien spürte er ein Kind, ein kleines Mädchen, das zwischen den Erwachsenen verkeilt stand* (Reinhard 1961).

Ср.:

- 1) *An seinen Knien spürte er ein Kind.*
- 2) *Das war ein kleines Mädchen.*
- 3) *Es stand zwischen den Erwachsenen verkeilt.*

Структурно-семантический аспект определяется его структурными особенностями, его лексическим наполнением. Главную роль играет при этом опорные компоненты экстрапозиции, которые могут выступать в качестве родовых слов, "пустых" слов или слов, характеризующихся большей степенью обобщения, метакогнитивных выражений, метаязыковых выражений, научных, терминологических понятий.

Опорный компонент является ядром предложения, вокруг которого группируются другие лексические единицы, обеспечивающие семантическое наполнение предложения. Это непосредственно связано с денотативным назначением конечной экстрапозиции - сообщать, выражать оценку предыдущей части высказывания, комментарии к ней. Поэтому конечная экстрапозиция рассматривается как особое явление синтаксиса, семантики, прагматики немецкого языка. Она образует переходную ступень от синтаксических связей предложения к связям текста, что открывает новые горизонты для исследования.

Список использованной литературы

1. **Солодовник И. П.** Пояснение в немецком языке: Монография. - Белгород: Издательство Белгородского пединститута, 1994.
2. **Grundzüge einer deutschen Grammatik.** - Berlin, 1981.

ПОЛИСЕМИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, МОТИВИРОВАННЫХ ИМЕНАМИ ТГ «ОВОЩИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КЕМЕРОВСКИХ ГОВОРОВ

Булгакова О. А.

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как частичке этого мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Языковая картина мира формируется в ходе номинативной деятельности человека. В словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка. Словообразование эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, их значимость для носителей языка. Именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить, что в языковом сознании того или иного народа является жизненно и социально важным. Эта избирательность словообразования позволяет проиллюстрировать своеобразие перцепции и оценки человеком окружающего его мира.

Своими особыми картинами мира характеризуются также различные диалекты русского языка. Являясь своеобразными «накопительными» национальной специфики, они отражают национальную культуру, духовную и материальную жизнь носителей языка.

Существительные ТГ «овощи» мотивируют производные субстантивы в аспектах: а) средства приготовления пищи (производные в данном случае имеют ЛСЗ "пища, приготовленная из определенного продукта): «С+ник» - морковник, капустник, картовник, свекольник, горошник, репник, чесночник, картофельник; «С+ниц/а//енниц/а//овниц/а//» - картовница, горошница, морковница, горошеница, брюквенница, бобовница; «С+ин/а//овин/а//» - гороховина, хреновина); б) объект питания (ЛСЗ «животное, питающееся определенным растением»: «С+ник» - капустник, картовишник, чесночник; «С+ница») - капустница); в) объекта сравнения (ЛСЗ «растение, по внешнему виду напоминающее какой-то овощ»: «С+ник» - морковник, свекольник, «С+к/а//» - капустка, ЛСЗ «кустарник с плодами, напоминающими плоды определенного растения»: «С+ник» - гороховник, ЛСЗ «часть растения, по форме напоминающая определенную часть растения»: «С+овк/а//» -

луковка, ЛСЗ «узор, напоминающий по форме определенный овощ»: «С+ок» - горошек, ЛСЗ «конфеты, по форме напоминающие плоды овоща»: «С+ок» - горошек); г) объекта посадки (ЛСЗ «место, где растут овощи»: «С+ник» - картофельник, щавельник; «с+иш/е/» - картофелище); д) объекта употребления (ЛСЗ «лицо, употребляющее определенный продукт»: «С+ник» - табашник» огуречник; «С+щик» - маковщик); е) части объекта (ЛСЗ «плоды овоща»: «С+ник/-овенник» - гороховенник, ЛСЗ «ботва овоща»: «С+ник/овенник» - гороховенник, ЛСЗ «часть растения»: «С+к/а/» - маковка, «С+овк/а/» - луковка); ж) объекта хранения (ЛСЗ «посуда для хранения продукта»: «С+ниц/а/» - перечница); з) объекта выделения одного из множества (ЛСЗ «единичное из массы подобных предметов»: «С+к/а/» - морковка, моркошка, свеколка; «С+ин/а/» - картофелялина, картошина); и) объекта объединения (ЛСЗ «совокупность растений»; «С+ник» - картофельник); к) объекта отождествления с модификацией значения (ЛСЗ «уменьш-ласкат. по отношению к растению»: «С+к/а/» - моркошка, картошинка, свеколка, ЛСЗ «уменьшительное по отношению к растению»: «С+ок» - горошек, лучок) и в аспекте средства размножения (ЛСЗ «овощ, предназначенный для получения семян»: «С+ник» - семенник, семянник).

Большинство имен, производных от существительных, называющих овощи, образовано по СТ «С+ник», «С+к/а/», «С+ниц/а/». Мотиваторы данных СТ могут выступать в разных типизированных аспектах, что порождает многозначные дериваты. В СТ «С+ник» зафиксированы как регулярные типы полисемии, так и полисеманты, построенные по единичным семантическим структурам. Регулярные семантические структуры имеют полисеманты морковник, свекольник (1. «Кушанье из овощей - «Морковь крошили, ячки рубили, смешают и морковник был» (Кем., Елык.). «Морковники пекли, пироги с морковью» (Кем., Елык.). «Морковник стряпали, такой прям большой, как все равно прям на курник». Моркови туда положишь, туда яичко разобьешь, маслица положишь» (Крап., Крап.). «Суп свекольник из ботва делают» (Крап., Крап.). «Свекольник - это блюдо из заквашенной свеклы» (Крап., Крап.). «Свекольник делаешь - сок такой из свеклы, напиток-свеколка или свекольник» (Крап., Крап.). «Свекольник - это свеклу нарубишь мелко, заквасишь, это квас. Квас - свекольник, и свекла с соком тоже свекольник. Борщ варят тоже свекольник» (Кем., Воскр.). «Делали свекольник из свеклы. Возьмут ее подробят, сварят, а потом в водичку бросишь дрожжи. Это не квас. Квас квасом. А это свекольник» (Кем., Ляп.). «Пироги со свеклой делали - свекольники» (Кем., Ляп.). «Все огородное солили, квасили свеклу - это свекольник, а капусту - квашенка» (Кем., Елык.). «Борщ варили из свежей свеклы, а свекольник - из квашеной» (Кем., Елык.). 2. «Растение, по внешнему виду напоминающее какое-либо растение» - «Морковник трава есть. Когда молодая, листьями на морковку похожа, и корни как морковка» (Кем., Воскр.). «В огороде свекольник растет, красный такой корень у нее» (Кем., Ляп.) и капустник, чесночник (1. Кушанье из овощей - «Жарю капусту на сковороде с маслом - это капустник, еще пироги с капустой - капустник» (Кем., Воскр.). «Ну капустники-пельмени стряпали. Капусту нарубишь, сало добавляли. Капустники - легкие» (Кем., Сил.). «А с чесноком чесночник делали: стряпали хлебушко, берут обыкновенный подпалок (это круглая лепешечка из кислого теста) и дольками ножиком разрезают, чтобы кубиками она была, потом еще испечем, пожарим сало несоленое, натолчем чеснока и это сало и чеснок вместе размешаем водичкой теплой. Подпалок вытаскиваем и по этим долькам ложим в большую миску. Она туда эти помпушки крала, чесноком и салом все облила, закрыла, они маленько постоят, потом таки вкусны» (Кем., Ст.Ч.). 2. Насекомое, питающееся растением «Как капустники залетали - жди червей» (Кем., Сил.). «Капусту ест капустник, червяк такой» (Кем., Воскр.). «Жуки-капустники один год были, мы их хлорофосом подушили» (Кем., Воскр.). «Все какие-то червяки... Чесночник в чесноке сидит, в зубчике» (Кем., Сил.). Уникальными семантическими структурами обладают полисеманты гороховенник (1. Стручки гороха - «Стручки гороха называли гороховенник» (Крап., Крап.). 2. Ботва гороха - «Горох высохнет, его обмолят когды: горох отдельно, а это гороховенник (солома) отдельно. Ею кормили скот и на подстилку шла» (Крап., Крап.), кукурузник (1. Силос, приготовленный из ботвы кукурузы - «А силос закладывали в ямы силосны. Кукурузник - это с кукурузы силос» (Кем., Ст.Ч.). 2. Трактор - «Кукурузу измельчают для закладки в сенаж, кукурузник называют. Это трактор такой» (Кем., Сил.), огуречник (1. Место, где выращивают овощи - «На парниках пять лет работала, выращивали огурцы, помидоры. Огурцы на огуречниках выращивали» (Кем., Ст.Ч.). 2. Человек, который любит овощ - «Огуречник - человек, который огурцы любит очень» (Кем., Ст.Ч.).

В СТ «С+к/а/» по регулярному типу полисемии образуются лексемы морковка, свеколка: 1. Ласкат. по отношению к овощу - «Свеколку, морковку парили» (Крап., Крап.). 2. Кушанье из овощей - «Из свеклы напиток делали, свеколка называли» (Крап., Крап.). «Жареная морковь - морковка» (Кем., Сил.).

В СТ «С+ниц/а/» полисемия развивается за счет видовой конкретизации в рамках одного ЛСЗ: горошница - 1. Суп - «Из гороха делали суп, горошницей называли» (Кем., Щегл.). 2. Каша - «Горошница - это каша такая, разваривается, она ведь вкусная такая» (Крап., Крап.); капустница - 1. Бабочка - «Капустница - белая бабочка, червяков на капусту садит, гадят так» (Кем., Сил.)» 2. Червяк - «Капустницы сильно вредят. Это червяк такой, который поедает капусту» (Крап., Крап.). 3. Гусеница - «Все какие-то червяки, бабочки летают, гусеницы-капустницы капусту едят» (Кем., Ляп.).

Все существительные ТГ «овощи» - слова многозначные: первый ЛСВ в их структуре обозначает всё растение целиком, второй (реже второй и третий) - часть растения (плоды, клубни, зерна, семена). В качестве мотивирующего может выступать как первый, так и второй ЛСВ существительного. Ср.: первый ЛСВ лексемы картофель, имеющий значение 'растение', мотивирует субстантивы со значением 'картофельное по-

ле': картофелище, картофлянище, картофельник; второй ЛСВ, имеющий значение 'клубни', мотивирует субстантивы со значением блюдо из 'картофеля': картовник, картовница, картофляник, картофлянишник.

Анализ полисемантов, мотивированных существительными ТГ «овощи», показывает, что:

1. ЛСВ полисеманта могут быть мотивированы как одним ЛСВ производящего имени, так и разными ЛСВ.

2. Ведущую роль в развитии семантических структур полисемантов, образованных от существительных данной ТГ, играет межсловная деривация. От ЛСВ, обозначающих растение целиком, производные субстантивы образуются преимущественно в характеризующем аспекте (межсловная метафора): морковник, свекольник - 'сорняки', реже - в функциональном (межсловная метонимия): картофелище, картофельник, щавельник - 'поле, где растет то, что названо мотивирующим существительным'. От ЛСВ, обозначающих плоды, производные субстантивы образуются в функциональном аспекте (межсловная метонимия); морковь, свекла, горох, капуста, картофель (плоды, овощи) → морковник, свекольник, горошница, капустник, картофляник ('блюдо из ...').

3. Внутрисловная деривация отмечается у производных, построенных по модификационным словообразовательным моделям, и является следствием отражения мотивационных отношений производящего. Ср.: горох₁ → горошек₁ 'уменьш.к горох₁', горох₂ → горошек₂ 'мелкие клубни картошки', горох₃ → горошек₃ 'узор на ткани'. Внутрисловная деривация сопровождается межсловной.

4. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является когнитивным актом, раскрывающим механизмы взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, дающее систему ориентиров в предметном мире. Именно этим объясняется факт словообразовательной избирательности: в языке семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую и познавательную ценность в повседневной жизни народа.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ И ЕГО СТРУКТУРА: ДИСКУРС

Варфоломеева И. В., Кулёмина К. В.

Астраханский государственный технический университет

Как известно, любой процесс, так или иначе, поддается сегментации. Не является исключением и коммуникация, позволяющая проводить внутри себя определенное разграничение. Таким фрагментом общения, сегментом коммуникации может быть признан *коммуникативный акт (КА)*.

В современной лингвистике термин «коммуникативный акт» понимается довольно широко: от обмена текстами, произнесенными устно или представленными в письменной форме в принятой языковой системе, до ролевой ситуации, в которой роли регламентированы социальной и национально-культурной средой, регулирующей с помощью языковых и неязыковых стереотипов иерархию мотивов и личностных смыслов коммуникантов.

Представляется также необходимым следующее уточнение: коммуникативный акт и речевой акт - разные явления. Не останавливаясь подробно на теории речевых актов (Дж. Остин (J. L. Austin), Дж. Серль (J. R. Searle), Дж. Барвайс (J. Barwise), Дж. Перри (J. Perry), Н. Фоушн (N. Fotion), Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, Е. Э. Разлогова и др.) отметим лишь, что она рассматривает прежде всего отдельные речевые действия (слово «акт» в названии этой теории является, на наш взгляд, калькой с английского языка, в котором «act» значит «действие»). Речевой акт понимается как некое коммуникативное *действие*, структурная единица языковой коммуникации, дискретно выделяемый *такт*, *квант* дискурса. Мы же, вслед за В. В. Красных [Красных 200: 194] имеем в виду более крупный фрагмент коммуникации. Ядром такого фрагмента является текст, который может быть представлен монологом, диалогом или полилогом. Таким образом, теория речевых актов применима в данном случае в достаточно ограниченном виде (лишь при рассмотрении отдельных речевых действий, которые входят в анализируемый текст).

Коммуникативный акт - это реальная и в то же время условная единица. Парадокс обусловлен тем, что, с одной стороны, коммуникация, являясь процессом, обладает таким свойством, как членимость, но с другой - границы такой единицы подвижны, несколько размыты и субъективны. Каждый **КА** имеет два «плана», две составляющих: *ситуацию* и *дискурс*, представляющие собой две стороны одной медали.

Ситуацией является фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт.

Что касается *дискурса*, то в лингвистике трактовка этого понятия менялась вместе со сменой общей парадигмы лингвистического знания, а также вследствие изменения подходов к исследованию устной и письменной коммуникации и ее результатов в различных школах и направлениях, представляющих эту парадигму. Так, если в 60-70-е гг. XX столетия *дискурс* понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов *дискурс* рассматривается «как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8]. Интересен тот факт, что, как отмечает ряд исследователей, термин «*дискурс*» в русской лингвистике употреблялся перво-